

УДК 340(581)

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-120-134

Об особенностях правовой системы Афганистана в период правления движения «Талибан»

Борис А. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, heidel@rambler.ru*

Аннотация. Сущность правовой системы конкретного государства зависит от того, что именно признается в нем основным источником права. В случае с шариатом такими источниками выступают Коран, Сунна, кияс, иджма. Однако помимо шариата в правовых системах многих мусульманских государств активно задействованы *доисламские и неисламские* правовые источники, такие как адат (обычай), фирман (указ) и низам (закон).

Действие в одной стране сразу нескольких источников права было характерно для Исламского Эмирата Афганистан в период правления там движения «Талибан». Несоблюдение баланса интересов различных этносов Афганистана, неспособность афганского руководства к компромиссам и сохранение противоречий между конкурирующими правовыми нормами привели к дестабилизации общей правовой системы страны, которая в конце концов трансформировалась в подобие пространства, где действуют несколько *анклавных правовых источников*, находящихся в конфликтных отношениях между собой на таких уровнях своего взаимодействия, как ханафитско-ханбалитский (уровень мазхабов), внутриисламский (суфийский и ваххабитский, шиитский и суннитский), этно-политический (пуштунизация и талибанизация), шариатский – нешариатский (адат, фирман). Последний уровень – «шариатские – нешариатские правовые источники» – стал показательным примером непростого, порой конфликтного соотношения *шариата* и *адата* (обычного права, закрепленного в кодексе чести «Пуштунвали»).

Ключевые слова: правовая система, шариат, правовые источники, правовые школы шариата, мазхаб, пуштунский адат, фирман, уровень правовых школ шариата, уровень внутриисламских направлений

Для цитирования: Антонов Б.А. Об особенностях правовой системы Афганистана в период правления движения «Талибан» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 3. С. 120–134. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-120-134

On the peculiarities of Afghanistan's legal system during the rule of the Taliban

Boris A. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, heidel@rambler.ru*

Abstract. The essence of any legal system in the concrete state depends on what is actually recognized in it as the main source of law. In case of Sharia, such sources are Koran, Sunnah, qiyas, and Yidma. In addition to Sharia, however, pre-Islamic and non-Islamic sources of law – such as adat (custom), firman (decree) and nizam (law) – are actively involved in the legal systems of many Muslim states.

The operation of several sources of law in one country is an example characteristic for the Islamic Emirate of Afghanistan during the rule of the Taliban there. Lack of balance between the interests of different ethnic groups in Afghanistan, the inability of Afghan authorities to compromise and contradictions among the competing legal norms have led to destabilizing the legal system of the country that has finally been transformed into a kind of space where several *enclave legal sources* operate, being in a conflict with each other at such levels of their interaction as Hanafi-Hanbali (the level of madhhabs), inner-Islamic (Sufi and Wahhabi, Shiite and Sunni), ethno-political (Pashtunization and Talibanization), Sharia -non-Sharia (adat, firman). The last level – which is Sharia – non-Sharia (adat, firman) – has become an illustrative example of a complicated, sometimes conflicting, relationship of Sharia and adat (customary law, enshrined in the code of honor “Pashtunwali”).

Keywords: legal system, Sharia, legal sources, legal schools of Sharia, madhhab, Pashtun adat, firman, level of legal schools of Sharia, level of intra-Islamic trends

For citation: Antonov, B.A. (2021), “On the peculiarities of Afghanistan's legal system during the rule of the Taliban”, *RSUH/RGGU Bulletin “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 120–134, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-120-134

Введение

Правовая система Исламского Эмирата Афганистан (далее – ИЭА), существовавшего с 1996 по 2001 г., включает шариат, пуштунский адат (обычное право пуштунов) и право мусульманской страны (фирманы¹). Подобная разнородность правовых источни-

¹ Фирман – указ или декрет монарха в некоторых исламских государствах Ближнего и Среднего Востока.

ков требует от полиэтнического государства, коим является Афганистан, постоянного соблюдения баланса интересов проживающих там пуштунов, узбеков, таджиков и шиитов-хазарейцев. Однако действия движения «Талибан», исключающие любой компромисс в решении вопросов религиозно-правового характера, способствовали созданию в Афганистане сразу нескольких *анклавных правовых источников*, находящихся в конфликтном соотношении по отношению друг к другу на таких уровнях взаимодействия, как:

- уровень правовых школ шариата – мазхабов (ханафитского и ханбалитского);
- уровень внутриисламских направлений (суфийского и ваххабитского, шиитского и суннитского);
- уровень этнический (пуштунизация), политический (талибанизация), гендерный;
- уровень «шариатские – нешариатские (адат, фирман) правовые источники».

Коллизия правовых источников на уровне мазхабов (ханафитского и ханбалитского)

Афганистан – страна *ханафитского мазхаба*², который является самой распространенной доктринальной школой суннитского ислама. В Конституции ИЭА содержатся несколько положений о ханафитском мазхабе в Преамбуле³, в статьях 4⁴, 6⁵ и 53⁶.

² Ханафитский мазхаб имеет распространение в пяти государствах Средней Азии, однако ввиду длительного пребывания последних в составе атеистического Советского Союза он является в большей степени религиозно-культурным, а не юридическим феноменом. Соответственно, данные государства являются странами так называемого светского ислама, который не предполагает наличие шариата как такового.

³ В Преамбуле Конституции Исламского Эмирата Афганистан указано, что она была подготовлена и утверждена в качестве указания к действию ИЭА согласно шариату и ханафитскому мазхабу (толку).

⁴ Согласно ст. 4 официальным религиозным толком (мазхабом) является ханафитский мазхаб.

⁵ Согласно ст. 6 в ИЭА вся политическая, социальная, культурная, экономическая деятельность основывается на законах ислама. Политика законотворчества и упорядочения новой жизни общества основывается на указаниях Корана и сунны и точно соответствует ханафитской юриспруденции (фикх).

⁶ Согласно ст. 53 «повелитель правоверных» (амир уль-муменин) должен быть мусульманином, последователем ханафитского мазхаба, иметь

Обычной практикой в учебной литературе по шариату является противопоставление *ханафитского мазхаба* как самого распространенного и *ханбалитского мазхаба*⁷ – как самого ортодоксального [Арсанукаева 2004]. Объясняя разницу между ханафитским и ханбалитским мазхабами, колумбийский профессор Ваэль Халлак приводит одно из ключевых положений ханафитского мазхаба, которое гласит: неправомерное присвоение чужой собственности должно включать незаконное передвижение этой собственности с ее *законного* места, где этой собственностью владеет ее хозяин. Ханбалитский же мазхаб, наоборот, определяет неправомерное присвоение как захват собственности, не важно, была она унесена с места владения или нет. Таким образом, то, что Вы сидите на чужом коврике, не передвигая его, считается неправомерным присвоением этого коврика в ханбалитском мазхабе, но не считается таковым в ханафитском. С точки зрения возмещения убытков – это базовое различие в определениях привело к возникновению значимых различий между двумя мазхабами [Hallaq 2009, p. 31].

Проникновение ханбалитского мазхаба на территорию Афганистана началось с Советско-афганской войны (1979–1989) при активной поддержке моджахедов со стороны Саудовской Аравии (страны ханбалитского мазхаба), которая принимала активное участие в данном конфликте. Однако очень быстро практика мазхабов двух мусульманских государств пришла в противоречие друг с другом, породив серьезную религиозно-юридическую коллизию.

*Коллизия правовых источников
на уровне внутриисламских направлений
(суфийского и ваххабитского,
шиитского и суннитского)*

Очевидно, что продолжением коллизии ханафитского и ханбалитского мазхаба стал конфликт между суфийским и ваххабитским направлениями ислама.

Суфизм – религиозно-мистическое направление в исламе – является ключевым аспектом культурного наследия не только в Афганистане (преимущественно на юге), но и на территории

афганское гражданство, быть рожденным от отца и матери афганских мусульман.

⁷ Шафиитский и ханафитский мазхабы могут сочетаться в рамках одной и той же правовой системы (например, правовой системы Египта), а ханафитский и ханбалитский мазхабы – нет.

современной Турции и Ирана. Суфием был и лидер талибов мулла Мухаммад Омар. Поскольку суфизм встречается как в шиитских, так и в суннитских государствах, он носит смешанный – шиитско-суннитский – характер.

В Афганистане проживают как сунниты (пуштуны, таджики, узбеки), так и шииты. Наиболее известной шиитской группой Афганистана являются *хазарейцы*, населяющие область Хазараджат (8–10% от общей численности населения страны). Будучи шиитами, хазарейцы были объявлены талибами врагами ислама. Так, после захвата Мазари-Шарифа талибы организовали в нем резню непустунского населения (прежде всего хазарейцев), в ходе которой погибло не менее 2000 человек.

Как учение суфизм исторически встречал активное противодействие со стороны ваххабизма – единственной интерпретации ислама в Королевстве Саудовская Аравия. Известный востоковед А.М. Васильев в своей книге «История Саудовской Аравии» написал:

Из положений и практики ваххабизма вытекало его вполне определенное *антисуфийское содержание*, точнее, осуждение суфизма в том виде, который получил распространение в Османской империи XVIII в. С точки зрения истинного ваххабизма, опирающегося на Коран, сунну и богословов первых трех веков ислама, суфизм – это «новшество», смертный грех... Не следует забывать и то, что одним из важнейших ритуально-бытовых «табу» ваххабизма было запрещение табака и гашиша, четок, музыки, громкого пения, танцев [Васильев 1998, с. 81].

Нидерландская журналистка Бетт Дам так описывает отношения между муллой Мухаммедом Омаром и известным суфийским пиром (руководителем тариката – суфийского братства):

Когда [Омар] был у власти, он также не запрещал большинство суфийских традиций, с которыми он вырос – то, что считается неисламским, например, в салафизме (ваххабизме). В период существования ИЭА одним из наиболее значительных разногласий между талибами и «Аль-Каидой» (террористической организацией ваххабитского толка) был вопрос о суфийских святынях. Ваххабиты считали, что почитание могил было неисламским «нововведением» и оскорбляло их чувства⁸.

⁸ Цит. по: *Нуриев А.* (Ali Nuriyev) Талибы и суфизм, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://alnur.medium.com/sufism-taleban-3e25efe882bc> (дата обращения 25 апреля 2021).

*Коллизия правовых источников
на этническом (пуштунизация),
политическом (талибанизация)
и гендерном уровнях*

После окончания Советско-афганской войны *полиэтничность* Афганистана не могла не стать одной из ключевых причин надвигающегося конфликта этно-политического характера. Как пишет пакистанский журналист Ахмед Рашид, «пуштуны правили Афганистаном в течение 300 лет, но в последние годы начали уступать другим народностям, меньшим по численности» [Рашид 2003, с. 18]. После ухода советских войск Кабул попал под контроль лучше организованных и обладающих единым командованием таджиков (Бурхануддина Раббани и его главнокомандующего, Ахмад Шаха Масуда) и узбеков (руководимых генералом Рашидом Дустомом). Для пуштунов это стало психологической травмой, поскольку впервые за 300 лет они потеряли контроль над столицей.

Получив через несколько лет власть, талибы немедленно дали понять представителям таджикского, узбекского и пуштунского населения (а вместе с ними шиитам-хазарейцам), что считаться с ними они не намерены. Кроме того, дискриминации подверглись и *афганские женщины*. Им не разрешали работать, лечиться у врачей мужского пола, появляться в общественных местах с открытым лицом и без мужа или без родственника мужского пола; был значительно ограничен доступ женщин к образованию (в 2001 г. девочки составляли только 1% посещающих школу). Талибы закрыли все школы для девушек, а женщинам не позволялось выходить из дома – даже за покупками. Кроме того, «Талибан» наложил запрет на все мыслимые развлечения, включая музыку, телевидение, видео, карты, а также большинство игр и спортивных состязаний.

Грубые нарушения прав женщин (такие, как «убийство чести», насильственный брак, изоляция, отказ в праве на образование и медицинскую помощь, а также полная зависимость замужней женщины от мужа), наблюдаемые в Афганистане, коренятся в традиционном правосознании, опирающемся как на племенное право, так и на шариат. Опросы, проводимые Миссией ООН по содействию Афганистану, показывают, что многими афганцами Коран считается книгой, предписывающей подчинение женщин мужчинам и ограничивающей права женщин. Как результат, по данным Женского фонда Организации Объединенных Наций (UNIFEM), собранным в 2008 г., 70–80% браков в Афганистане являются принудительными, 57% браков совершается до наступления минимально разрешенного возраста [Наджибула 2015, с. 90].

Для контроля над соблюдением шариатских запретов в ИЭА было создано *Управление по насаждению добродетели и предотвращению порока* по аналогии с одноименной структурой Королевства Саудовская Аравия. Управление объединяло шариатскую гвардию, известную в Саудовской Аравии как *мутава* (религиозные наставники).

Дискриминация талибами представителей непуштунского населения привела последних к сплочению вокруг таких лидеров, как руководитель Северного Альянса таджик Ахмад Шах Масуд и узбекский генерал Дустом. В результате этно-политического противостояния в Афганистане перестали пользоваться понятием «афганец»: на смену ему пришло понятие «представитель той или иной этнической группы». Талибы, набранные в основном из пуштунов и составлявшие примерно 40% двадцатимиллионного населения Афганистана, спровоцировали среди пуштунских племен отношения националистического толка [Рашид 2003, с. 18]. Их давняя мечта – создание «*Великого Пуштунистана*» («земли пуштунов»), который был политически разделен в 1893 г. между Афганистаном и Британской Индией по условной *линии Дюранда*. С конца 1940-х гг., после распада Британской Индии и создания Пакистана, пуштунские националисты (как со стороны Афганистана, так и со стороны Пакистана) предлагали концепцию создания независимого государства Пуштунистан, в то время как пакистанские военные рассчитывали на то, что «Талибан» признает «линию Дюранда». Вместо этого талибы делали все для распространения национализма среди пакистанских пуштунов, в результате чего процесс «*талибанизации*»⁹ захлестнул сам Пакистан и прежде всего провинцию Вазиристан, объявившую себя независимой 14 февраля 2006 г. [Рашид 2003, с. 254–271].

*Коллизия на уровне «шариатские – нешариатские правовые источники».
О проблеме соотношения источников шариата
с законом и судебным прецедентом*

В том случае, если речь идет о тех мусульманских странах, в которых действует шариат, иерархия его источников, согласно *правилу четырех корней* имама Аш-Шафия, выглядит следующим

⁹ К *талибанизации* можно отнести такие нехарактерные для шариата и адата наказания, как отсечение ног и разрушение домов противников движения «Талибан».

образом: священное писание в виде Корана и Сунны, кияс (суждение по аналогии), иждма (единодушное мнение мусульманской общины или единодушное мнение правоведов)¹⁰. Среди вышеперечисленных источников шариата не значатся закон, судебный прецедент и обычай (адат). Отсутствие закона и судебного прецедента среди источников шариата не позволяет квалифицировать последний ни как законодательную, ни как прецедентную правовую систему. Закон может быть создан либо законодательным путем в рамках Парламента, либо посредством референдума. «Решение же судьи или муфтия, по мнению российского исследователя шариата Л.Р. Сюкияйнена, не становится обязательной нормой не только для других судей и муфтиев, но и не связывает при рассмотрении аналогичных дел в дальнейшем само лицо, вынесшее такое решение» [Сюкияйнен 2015, с. 86–87]. Автор статьи тем не менее предлагает признать ханбалитский мазхаб прецедентным по своей сути, поскольку в его основе лежит принцип *марфу*, согласно которому только ислам трех поколений (поколение Пророка Мухаммеда и два поколения после него) избавлен от нововведений (бида) и, таким образом, носит (хотя и с некоторой долей условности) «прецедентный» характер.

*Коллизия на уровне «шариатские –
нешариатские правовые источники».
О проблеме соотношения шариата
и обычного права (пуштунского адата)
в судебной практике движения «Талибан»*

Наряду с законом и судебным прецедентом *обычное право (адат)* также не является источником шариата, поскольку в противном случае ислам мог бы превратиться в подобие этнической религии (примерами которой можно считать иудаизм и синтоизм). В своей книге «Крах политического ислама»¹¹ французский политолог Оливье Руа пишет:

¹⁰ Дополнительно к источникам шариата можно добавить фетву муфтия, решение кади (судьи) и комментарии пяти имамов-основателей мазхабов.

¹¹ Руа О. Крах политического ислама [Электронный ресурс]. URL: <http://islamoved.ru/2016/olivier-roy-krah-politicheskogo-islama/> (дата обращения 25 апреля 2021).

Мусульманское общество в двадцатом веке оказалось разделенным между двумя конфликтующими структурами. С одной стороны, это клан, племя, этнос, с другой – государство и религия¹².

Под конфликтующими структурами, помимо остальных исламских и неисламских источников права, Руа, в частности, имел в виду адат и шариат, конфликтную природу их соотношения.

Мнения ученых относительно того, как именно соотносятся адат и шариат в исламе, разделились. Некоторые востоковеды считают, что соотносить и проводить параллель между адатом и шариатом невозможно, поскольку *ада́ты* – это обычаи и местные традиции народов, которые отразились в нормах доисламских правовых комплексов, а это значит, что они не имеют к шариату никакого отношения.

Есть исследователи, которые настаивают на том, что существует необходимость вытеснения адата шариатом. А некоторые правоведы придерживаются мнения, согласно которому нужно отвести адату определенную роль в исламе, но при условии, что адаты не должны противоречить шариату.

Примирение всех вышеприведенных мнений в идеале возможно лишь в том случае, если адат не будет абсолютизирован и/или канонизирован, а в основе его будет лежать соответствие шариату и здравому смыслу. Такое соответствие можно наблюдать почти в каждой мусульманской стране, где существует праздник, связанный с датой обретения независимости. Несомненно, что ни во времена Пророка, ни во времена праведных халифов такого праздника не существовало. Однако даже в Саудовской Аравии эта дата отмечена красным цветом, поскольку данный день несет в себе патриотическое содержание и ни в коей мере не противоречит шариату [Магомедов 2012, с. 161]. Таким образом, переосмысление адата в сторону его непротиворечивого соотношения с шариатом позволяет и тому, и другому занять достойное место в исламе.

К сожалению, такого переосмысления не произошло, да и не могло произойти в ИЭА в период правления там движения «Талибан». Именно Афганистан стал показательным примером непростых, порой конфликтных отношений между *шариатом* и *адатом*, т. е. обычным правом, закрепленным в пуштунском кодексе чести «Пуштунвали».

¹² Цит. по: Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М. Поваляева. М.: Библион: Русская книга, 2003. С. 123.

Анализ исследовательской литературы по вопросам соотношения адата и шариата в судебной практике талибов позволяет сделать вывод о том, что последние

- либо предпочитали применять нормы шариата, игнорируя принципы адата;
- либо применяли адат в ситуациях явной выгоды его применения;
- либо апеллировали к шариату, сопровождая апелляцию весьма произвольной трактовкой последнего (в виде интерпретации *фикх*);
- и, наконец, талибские суды часто манипулировали нормами шариата и адата в своих интересах.

Кратко охарактеризуем действия талибских судов в соответствии с каждым из названных пунктов.

Первое. Талибы предпочитали применять нормы шариата, игнорируя принципы адата. Так, за *хищение чужого имущества* талибский суд применял наказание в виде отсечения различных частей рук и ног, а обычное право пуштунов (адат), хотя и предусматривало целый ряд наказаний за воровство, но эти наказания были гораздо менее жесткими, чем в шариате. Согласно адату пуштунов, «лицо, совершившее кражу, обязано вернуть потерпевшему стоимость украденного или выплатить штраф, во много раз ее превышающий». За *прелюбодеяние* в шариате карали виновных побиванием камнями до смерти (сангсар) равно как избиванием плетью (100 ударов). В адате месть была и остается сугубо личным делом, его семейной драмой, и он не устраивает из нее «мусульманского аутодафе» (в виде побивания камнями). И наконец, *наказание за убийство* (умышленное и неумышленное). И в шариате, и в пуштунском адате в отношении данного преступления действует принцип возмездия, называемый, соответственно, *кисас* и *бадаль*. Но если обычное право пуштунов оставляет мусульманину свободу выбора для улаживания конфликтных ситуаций мирным путем (выплата компенсации за убийство; прощение убийцы ближайшими родственниками погибшего; изгнание убийцы из племени), то шариатские суды в Афганистане применяли в отношении убийц исключительно *кисас*, отправляя их на виселицу или устраивая публичные расстрелы.

Второе. В действиях талибов часто просматривалось якобы гармоничное совмещение шариата и адата. Апеллируя к адату, в котором закон гостеприимства провозглашался одним из главных принципов «Пуштунвали», талибы оправдали свое нежелание отказать в гостеприимстве и покровительстве Усаме бен Ладену. Аналогичным образом отказ в экстрадиции бен Ладена мотивиро-

вался адатом пуштунов – *мелмаestia* (предоставлением убежища гостю).

Третье. Талибы апеллировали к шариату, сопровождая апелляцию весьма произвольной трактовкой последнего (в виде интерпретации *фикх*). Наравне с шариатом положения фикха были объявлены основными источниками права на всей территории ИЭА. При этом *шариат* воспринимается как религиозные правовые нормы, а *фикх* – как мусульманское правоведение, юриспруденция. Такое разделение берет свое начало из ранней мусульманской правовой культуры, в которой становление права (шариата) и науки его толкования (фикха) происходило параллельно. С другой стороны, по мнению востоковеда Алексея Журавского,

...сама мусульманская правовая мысль никогда не очерчивала строгой границы между этими двумя понятиями. И действительно, они в чем-то дополняют друг друга, в чем-то взаимно заменяют [Журавский 2019].

И если *шариат* – это религиозные нормы, комплекс предписаний, закрепленных Кораном и Сунной, то *фикх* – это прежде всего конкретизация нормы, ее правильное отражение, прояснение и применение.

Четвертое. Талибские суды часто манипулировали нормами шариата и адата и делали это исключительно в своих интересах. Так, в соответствии с практикой пуштунского адата и явно под давлением талибов старейшины пуштунских племен в одной из афганских провинций решили «сносить дома тех, кто сотрудничает с антиталибскими элементами». Подобного наказания не было ни в шариате, ни в адате. Следовательно, оно является частью процесса талибанизации Афганистана. Кроме того, среди талибов были настолько яростные сторонники ислама, что, выступая за более широкое применение норм шариата, они считали *любовь к Родине частью веры*. Таким образом, стараниями талибов соотношение шариата и адата быстро распространялось и на идейно-политическую область их деятельности.

Проблема «шариат или адат» была окончательно решена в пользу исламского права летом 1998 г., когда «повелитель правоверных» (амир аль-муменин) издал *фирман 104*, который *de facto* отменял ряд основных положений «Пуштунвали». «Некоторые суровые обычаи афганского общества, лишавшие женщину права получения наследства, обязывавшие вдову выходить замуж только за родственников покойного мужа или разрешавших использование женщины в качестве предмета компенсации родственникам

погибшего, отменены». Публикация фирмана 104 не означала преодоление конфликтного соотношения адата и шариата только на основании установления приоритета последнего.

Вывод, к которому приходят В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев в своей книге «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» содержит предположение, согласно которому

...анализ судебной практики талибских судов сопровождался

(1) насильственным насаждением норм шариата,

(2) апелляцией к адату в ситуациях, выгодных талибам, и

(3) манипулированием адатом и шариатом опять же в поисках политической выгоды талибов... <...>

Однако категоричность утверждений о предпочтении талибами шариата представляется несколько преувеличенной... <...>

...для религиозного мировоззрения пуштунов в целом (а значит и для большей части талибов) характерным является сочетание двух взаимосвязанных и взаимодополняющих начал – исламского и национально-этического [Белокреницкий, Сикоев 2014, с. 75].

Таким образом, в пределах ИЭА талибы создали тоталитарный военно-теократический режим. Об этом свидетельствуют такие формальные атрибуты теократии, как провозглашение главы государства «повелителем правоверных» (амир аль-муменининиздал), концентрация всей исполнительной и судебной власти в руках духовного сословия, а главное – практика насильственного насаждения норм шариата. Никакую иную позитивную идею, которая могла бы консолидировать афганское общество, талибы не предложили; аналогично не была устранена одна из главных причин междоусобий войны – межэтнические противоречия. Напротив, лидеры движения «Талибан» ужесточили дискриминационную политику в отношении непустунских групп населения, а попытки решить национальную проблему исключительно на религиозной основе успеха не принесли [Сикоев 2003, с. 110].

Заключение

Большинство войн на Ближнем и Среднем Востоке вызваны целым рядом причин, включая *религиозные конфликты* (шииты, сунниты), *этническое сопротивление* (проблема курдов), *цивилизационное противостояние* (арабо-израильский конфликт), *борьба за спорные, богатые нефтью, территории* (ирано-иракская война, оккупация Ираком Кувейта) и, наконец, *отсутствие еди-*

ного понимания таких понятий, как «адат», «ислам», «шариат». В связи с последней причиной особенно значимыми и показательными оказались события в Афганистане, где в период господства движения «Талибан» конфликт юридического характера вокруг понимания такого понятия, как «шариат», привел к *антагонизму правовых источников* на всей территории ИЭА.

Рассуждая в своей книге «Введение в исламское право» о судьбе шариата в современных мусульманских государствах, американский востоковед Ваэль Халлак отмечает, что за последние два столетия шариат перестал быть всемирно признанным институтом и специфической культурой, он давно трансформировался в некую *текстуальность*, а именно в совокупность текстов, которые полностью лишены своего социального и социологического контекста. Еще большего сожаления достойно то, что текстуальность теперь замешана на политике [Hallaq 2009, p. 167]. Концептуально, институционально и исторически государство вступило в длительный конфликт с шариатом, сосуществуя с ним на весьма противоречивой основе. Но вскоре даже это хрупкое сосуществование закончилось, уступив место полному демонтажу всех институциональных структур шариата, включая его финансово независимые колледжи и университеты, правовую среду и культуру, т. е. все то, что давало мусульманским правоведом возможность профессионально действовать и развиваться как профессиональному сообществу. Демонтаж правовой системы шариата в конечном итоге привел к исчезновению профессионального сообщества исламских правоведов и возникновению новой правовой концепции права. Предметом шариата стало *позитивное право* как эманация воли государства к власти, а его трансформация представляла собой сложный многоуровневый процесс, захвативший, с одной стороны, все европейские, а с другой – все мусульманские государства.

Литература

- Арсанукаева 2004 – Арсанукаева М.С. Суннитские мазхабы: история возникновения, особенности и перспективы развития // Религия и право. 2004. № 2–3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Мазхабы-школы-исламской-правовой-мысли> (дата обращения 31 марта 2021).
- Белокреницкий, Сикоев 2014 – Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2014. 216 с.

- Васильев 1998 – *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1998. 672 с.
- Журавский 2019 – *Журавский А.В.* Введение в ислам [Электронный ресурс]. URL: <https://magisteria.ru/islam/fiqh-and-sharia> (дата обращения 26 марта 2021).
- Магомедов 2012 – *Магомедов М.-С., Магомедова П.* Место шариата и адата в исламе, их сходство и различие, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-shariata-i-adata-v-islame-ih-shodstvo-i-razlichie> (дата обращения 20 апреля 2021).
- Наджибула 2015 – *Наджибула Хафизула Самсор.* Шариат и права человека в Афганистане // Государственная служба. 2015. № 2 (94). С. 88–91.
- Рашид 2003 – *Рашид А.* Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М. Поваляева. М.: Библион: Русская книга, 2003. 368 с.
- Сикоев 2003 – *Сикоев Р.* Исламский Эмират Афганистан: тоталитарный режим рубежа XXI века // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 113–123.
- Сюкияйнен 2015 – *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право: Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Hallaq 2009 – *Hallaq Wael B.* An introduction to Islamic law. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://soerenkern.com/pdfs/islam/IntroductionToIslamicLaw.pdf> (дата обращения 12 мая 2021).

References

- Arsanukaeva, M.S. (2004), “Sunni madhhabs. History of origin, specifics and the development prospects”, *Religiya i pravo*, no. 2–3, available at: <https://www.sovremennoopravo.ru/m/articles/view/Mazhaby`-shkoly`-islamskoj-pravovoj-my`sli> (Accessed 31 May 2021).
- Belokrenitskii, V.Ya. and Sikoev, R.R. (2014), *Dvizhenie Taliban i perspektivy` Afgani-stana i Pakistana* [The Taliban and the perspectives of Afghanistan and Pakistan], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Hallaq, Wael B. (2009), *An introduction to Islamic law*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA, available at: <http://soerenkern.com/pdfs/islam/IntroductionToIslamicLaw.pdf> (Accessed 12 May 2021).
- Magomedov, M.-S. and Magomedova, P. (2012) *Mesto shariata i adata v islame, ikh skhodstvo i razlichie* [The role of sharia and adat in Islam. Similarities and differences], available at <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-shariata-i-adata-v-islame-ih-shodstvo-i-razlichie> (Accessed 20 April 2021).
- Nadzhibula Nadzhibula Xafizula Samsor (2015), “Sharia and human rights in Afghanistan”, *Gosudarstvennaya Sluzhba*, no. 2 (94), pp. 88–91.
- Rashid, A. (2003), *Taliban. Islam, neft` i novaya Bol'shaya igra v Tsentral'noi Azii* [Taliban. Islam, oil, and the new Great game in Central Asia], Transl. from English by M. Povalyayev, Biblion, Russkaya kniga, Moscow, Russia.

- Sikoev, R.Z. (2003), "Islamic Emirate of Afghanistan. Totalitarian regime at the turn of the 21st century", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 113–123.
- Syukiyainen, L.R. (2015), *Musul'manskoe pravo. Voprosy teorii i praktiki* [Muslim law. Theory and practice], Nauka, Moscow, Russia.
- Vasil'ev, A.M. (1998), *Istoriya Saudovskoi Aravii* [History of Saudi Arabia], Izdatel'stvo "Nauka", Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, Russia.
- Zhuravskii, (2019), *Vvedenie v islam*, [Introduction into Islam], available at: <https://magisteria.ru/islam/fiqh-and-sharia> (Accessed 26 March 2021).

Информация об авторе

Борис А. Антонов, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; heidel@rambler.ru

Information about the author

Boris A. Antonov, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; heidel@rambler.ru